

Ежедневная общественная, политическая и литературная газета «Северный курьер» издавалась в Санкт-Петербурге в 1899-1900 гг. (судя по фондам Отдела газет РГБ).

С ноября 1899 г. её редактором был литератор Владимир Владимирович Барятинский (См. - Б. Матвеевский, Загадки Подмокловской церкви// Искусство, 1988, № ? , С. 62).

В № 187, 11 (24) мая 1900 г. на стр. 3 - публикация В.Барятинского «Мысли и заметки. XXXII».

Она, видимо, писалась автором в Париже; представляя жизнь французской столицы, автор в середине повествования резко вводит напоминание о «кошмаре российской действительности». Итак, вначале сообщается о посещении *Cabaret d'Enfer* – «Адовой таверны», в известном артистическом квартале Монпарнас. Вход в это заведение был оформлен в виде чудовищной пасти (как изображались врата ада в средневековых мистериях); метрдотель, в костюме Мефистофеля, величал каждого посетителя: «грешник», либо: «прекрасная грешница»; наконец, зал украшала «большая, ярко и не без таланта расписанная монмартрскими художниками фреска, изображающая целые толпы грешников в аду. Всё это, само собой понятно, в карикатурном виде. Здесь представлены более или менее все выдающиеся современные деятели Франции [...].

Всё это было грубовато, но не лишено остроумия и не вызывало никакого чувства негодования, а, напротив, добродушный смех.

Теперь перенесёмся, как говорилось в романах старого доброго времени, из весёлого квартала Парижа и его таверны в простое русское село на берегу Оки в нескольких верстах от Серпухова и войдёмте в скромную сельскую церковь.

На стене картина с изображением Страшного суда. Вверху – Спаситель, Божья мать и Иоанн Предтеча; ниже – ангелы, один из которых держит книгу с перечнем добрых деяний [?]. Дальше – путь в рай, весы правосудия и величественная фигура апостола Петра с ключами.

Наконец – дьявол с книгой «злодеятелей, немилосердных, завистливых, ленивых, душегубцев, татей, лживых и еретиков» [!]. Дьявола окружает целое множество подвластных бесов, каждый из которых держит в когтях свою жертву: прелюбодейную жену, скупца и т.д.

У одного из таких бесов задыхается в объятиях [?] – военный, и военный этот... никто иной, как один из величайших не только наших русских, но и мировых поэтов – Михаил Юрьевич Лермонтов!

«Он погиб на дуэли, и потому должен идти в ад» - таково было рассуждение художника, перенесшего свою дикую, возмутительную фантазию на полотно церковной картины.

Если карикатуры парижской таверны забавны и только, то как невыразимо гнусно глумление над памятью великого человека, и где же – в церкви, в доме молитвы, прощения и братской любви. А ведь церковь эту уже много лет посещают и не одни только крестьяне, не знающие вдохновенного лица поэта; сюда заезжают и туристы, и даже нарочно из Москвы, чтобы взглянуть на картину «Страшного суда», считающуюся достопримечательностью села Подмоклово; добродушный «батюшка» наивно поясняет этим туристам содержание картины, и никто, никто до сих пор не счёл нужным употребить все свои усилия, чтобы предохранить от надругания память того, на чьих великих произведениях мы все учились и воспитывались!

Как горькая насмешка мелькает перед моими глазами надпись на фасаде парижского Пантеона: «Aux grands homes la patrie reconissante» [*«Великим людям – благодарное отечество»*]....

В № 189, 13 (26) мая 1900 г., на стр. 3 – статья П. Панкратьева «К вопросу о новейшей иконописи». Юрий Беспалов, в № 46 (1908) серпуховской газеты «Совет» 17. XI. 2004, назвал её автора «представителем церковной власти». Из текста данной публикации этого прямо не следует.

«В № 187 «Северного курьера» приведено интересное сообщение об иконе Страшного суда, находящейся в церкви села Подмоклова Серпуховского уезда [в действительности – Алексинского уезда Тульской губ.; косвенное свидетельство, что автор в Подмоклово не бывал и, скорее всего, знаком с вопросом только по вышеприведённой заметке В. В. Барятинского]. На этой иконе в числе грешников, осуждённых на адские муки, изображён М.Ю. Лермонтов, повинный – как дуэлист – в трёх тяжких грехах: убийстве, самоубийстве и неповиновении властям.

Отмеченное «Сев. курьером» стремление русских иконописцев – вводить современные темы в разработку церковных сюжетов – можно проследить на многих иконах новейшего происхождения».

Далее автор статьи сообщает, что в 1895 г., изучая церковные памятники г. Старой Русы, в библиотеке местного Спасо-Преображенского монастыря он обратил внимание на икону Страшного суда - перенесённую туда для реставрации из монастырской церкви. На ней, между прочим, был изображён влекомый демоном мужчина современного вида: с усами, в полицейском мундире и при оружии. По разъяснению монаха, за 20 лет до того в городе проживали живописец Поляков и полицейский пристав С-в; они были заклятыми врагами и причиняли друг другу всевозможные огорчения. В частности, Поляков написал по заказу монастыря эту самую икону. «Как монастырская братия, так и богомольцы единогласно утверждали, что это С-в, терзаемый демонами! Признал себя и сам пристав, усердно посещавший Спасо-Преображенский монастырь. Взирая на икону Страшного суда, он мог предаваться скорбным размышлениям – совпадёт ли его будущее с предположениями его лютого врага – художника Полякова?»

Затем сообщается, что в церкви Коссинского женского монастыря близ Старой Русы автор статьи видел фреску «Лицевой Отче наш». В ней прошение «Не введи нас во искушение» прокомментировано так: изображён человек, которого ангел наставляет «на стезю праведную, очертания которой, к сожалению, неясны» и тут же – дьявол, указывающий на искусительные предметы, а именно: золотые монеты «новой чеканки» (никولاевские рубли 1897 г.?), драгоценные сосуды «вероятно с вином» и - три книги, на корешках которых читаются надписи: «Атеизм – Материализм – Философия».

«Само собою разумеется, что каждое произведение церковного искусства приобщается к церковному обиходу не по личному только усмотрению иконописца, подверженного, по немощи человеческой, обманчивой превратности самопроизвольных толкований, но и – с одобрения надлежащей церковной власти, действующей на точном основании канонических уставов. Достоинно, поэтому, внимания, что на коссинской фреске отнесены к диавольским искушениям как материализм с атеизмом, так и вся философия, преподаваемая, однако, в учебных заведениях духовного ведомства. Очевидно, здесь отразилось веяние глубокой старины: «Братия, не высокоумствуйте! Аще кто ти речет: веси ли философию? – И ты ему рцы: еллинских борзостей не текох, ни с мудрыми философами не бывах»».

Далее автор отмечает, что приводимые им факты не упоминаются в новейшем по тому времени путеводителе по Старой Русе, составленном неким Полянским. Затем следует немало колкостей в адрес этого последнего. Полянский не просто переписал: со всеми опечатками - соответствующие фрагменты из сочинения архимандрита Макария (Миролюбова): «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях» (1860 г.), но и добавил собственные «перлы» - такие как, например:

«знаменитый учёный Синописис Гизеля». Т.о. он назвал «знаменитым учёным»... книгу «Киевский синописис»: обозрение истории восточных славян – изданную в Киеве в 1674 г., выдержавшую ок. 30 переизданий до сер. XIX в., автором которой считается архимандрит Иннокентий Гизель.

Статья П. Панкратьева – из-за её ироничного и, местами, амбициозного тона - не кажется нам официальным опровержением «церковной власти» на заметку В.В. Барятинского в № 187 «Северного курьера». Знаменательно, что оба автора: аристократ-либерал Барятинский и интеллигент-разночинец консервативных взглядов Панкратьев; при столь разном их отношении к изображению М.Ю. Лермонтова в аду – считают причиной, побудившей создание такой картины, именно гибель поэта на дуэльном поединке.